

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 73–80. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 73–80. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09”20”

EDN YKQQAV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-73-80>

## ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА САДА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ Г.В. ИВАНОВА «ОТПЛЫТЬ НА О. ЦИТЕРУ» (1911)

**Коптелова Наталия Геннадьевна**, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, [nkoptelova@yandex.ru](mailto:nkoptelova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

**Аннотация.** В статье рассматривается интерпретация образа сада, представленная в первом поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплыть на о. Цитеру». Доказывается, что в контексте этого художественного единства архетип сада является сквозным символом и выступает как одна из его аксиологических доминант. Показывается, что семантика и поэтика образа сада у Иванова весьма многогранна и мотивируется авторским диалогом с литературной и мифологической античной традицией, преломлённой сквозь влияние на поэта творчества А. Вагто, К. Сомова, А. Бенуа, П. Верлена, И. Анненского, М. Кузмина, Игоря Северянина, Ф. Сологуба. В статье отмечается, что в структуру образа сада, созданного в дебютном ивановском сборнике, входят и наследованный из восточнославянской мифологии архетип Водяного, и апокалиптический символ «кровавой луны». Для семантического наполнения образа сада весьма важен мотив истомы (томления), часто встречающийся в лирике поэтов рубежа веков (Анненского, Сологуба, Кузмина, Гумилёва). Смысловая эволюция архетипа сада репрезентирует значимую для поэта идею пути, ключевую для художественного сознания не только авторов Серебряного века, но и для русской литературы в целом. Живаясь во время и пространство разных и вместе с тем в чём-то схожих «садов», Иванов намечает вектор собственного творческого развития, предсказывает движение к сборнику «Сады». Он очерчивает концепцию «странствий» по разным мифологиям и культурам, актуальную как для эстетики русских символистов, так и акмеистов.

**Ключевые слова:** Г.В. Иванов, образ сада, архетип, мотив, символ, интерпретация, поэтика, смысловое наполнение, эволюция.

**Для цитирования:** Коптелова Н.Г. Интерпретация образа сада в поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплыть на о. Цитеру» (1911) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 73–80. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-73-80>

Research Article

## INTERPRETATION OF THE IMAGE OF GARDEN IN THE COLLECTION OF POEMS “EMBARCATION FOR CYTHERA” BY GEORGY IVANOV (1911)

**Natalya G. Koptelova**, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, [nkoptelova@yandex.ru](mailto:nkoptelova@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

**Abstract.** The article describes the interpretation of the image of garden, presented in the first collection of poems “Embarcation for Cythera” by Georgy Ivanov. It is proved that in the context of this artistic unity, the garden archetype is a cross-cutting symbol and acts as one of its axiological dominants. It is shown that the semantics and poetics of Georgy Ivanov’s image of a garden is very multifaceted and is motivated by the author’s dialogue with the literary and mythological ancient tradition, refracted through the influence on the poet of the works by Antoine Watteau, Konstantin Somov, Alexandre Benoîs, Paul-Marie Verlaine, Innokenty Annensky, Mikhail Kuzmin, Igor Severyanin, Fyodor Sologub. The article notes that the structure of the image of the garden, created in the debut collection of Georgy Ivanov, includes both the archetype of the Water, inherited from East Slavic mythology, and the apocalyptic symbol of the “bloody moon”. For the semantic filling of the image of garden the motif of languor (tenderness), often found in the lyrics of poets of the turn of the century (I. Annensky, F. Sologub, M. Kuzmin, Nikolai Gumilyov), is of great importance. The semantic evolution of the garden archetype represents the idea of the path, which is significant for the examined poet, which is key for the artistic consciousness of not only the authors of the Fin de Siècle, but also for Russian literature as a whole. Getting used to the time and space of different and at the same time somewhat similar “gardens”, Georgy Ivanov outlines the vector of his own creative development, predicts the movement towards the collection “Gardens”. He outlines the concept of “wanderings” through different mythologies and cultures, which is relevant both for the aesthetics of Russian symbolists and acmeists.

**Keywords:** Georgy Ivanov, garden image, archetype, motif, symbol, interpretation, poetics, semantic content, evolution

**For citation:** Koptelova N.G. Interpretation of the image of garden in the collection of poems “Embarcation for Cythera” by Georgy Ivanov (1911). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 73–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-73-80>

Общепризнанно, что образ сада является универсалией, константой мировой художественной культуры (Д.С. Лихачёв [Лихачёв], Т.В. Цивьян [Цивьян], К.А. Нагина [Нагина]). Архетип сада широко представлен и в русской поэзии. Об этом многократно писали отечественные исследователи (В.Н. Топоров [Топоров], А.Г. Разумовская [Разумовская 2014], Н.Е. Тропкина, Н.Е. Рябцева [Тропкина, Рябцева], Е.В. Невзглядова [Невзглядова] и др.).

Образ сада осваивает и активно использует в своей лирике и Г.В. Иванов, что не раз отмечали в своих работах такие критики и литературоведы, как В.П. Крейд [Крейд: 238–245], Е.Л. Якунова [Якунова: 17–20], Т.Г. Данилович [Данилович: 208]. Вопрос о разработке темы садов и парков в лирике Иванова стал предметом специального изучения в статье А.Г. Разумовской [Разумовская 2008]. Он также затрагивался и в монографии этого автора [Разумовская 2014: 107, 135, 136, 152, 182, 242, 244], пытавшегося выстроить и охарактеризовать парадигму русской лирики XX века, построенную на осмыслении архетипа сада разными поэтами этого периода. Однако в работах Разумовской сделан акцент главным образом на такой художественной репрезентации образа сада в поэзии Иванова, как сады Петербурга и его пригородов, в то время как символ сада в ивановской лирике реализуется в самых разнообразных творческих проекциях. Таким образом, в полной мере ещё не описан широчайший семантический диапазон, определивший в контексте творчества Иванова многочисленные варианты интерпретации образа сада. Не выявлены вполне его художественные функции и логика эволюции. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию архетипа сада, представленную в первом поэтическом сборнике Иванова «Отплыть на о. Цитеру» (1911), в котором наметились многие векторы его дальнейшего творческого развития.

В истолковании образа сада, предложенном в дебютном лирическом сборнике Иванова, значимую роль играет античный код, преломлённый сквозь призм художественного мира французского живописца Антуана Ватто, ставшего для поэта предметом постоянной творческой рефлексии. По словам Т.В. Цивьян, в античной лирике тема сада «накладывается чаще всего на темы весеннего пробуждения и осеннего умирания природы, на темы любви и любовного свидания, уединённого мечтания и т. п.» [Цивьян: 147]. Аналогичный подход к истолкованию символа сада, генетически восходящий к античной традиции, реализуется затем в живописи «мирискутников»

К.А. Сомова и А.Н. Бенуа, а также в лирике М.А. Кузмина и Игоря Северянина. В поле притяжения именно этих авторов во многом и формируются семантика и поэтика ивановского образа сада, созданного в сборнике «Отплыть на о. Цитеру».

Импрессионистическая зарисовка сада возникает уже во втором стихотворении ивановского сборника, названном «Сонет-послание». Оно обращено к соратнику по эго-футуризму Игорю Северянину и построено во многом на стилизации поэзии адресата. Стихотворение Иванова наполнено северянскими интонациями, парадоксально сплавляющими сентиментальность и иронию:

Я долго ждал послания от Вас,  
Но нет его и я тоской изранен.  
Зачем Вы смолкли, Игорь Северянин,  
Там в городе, где гам и звон кирас?

Ночь надо мной струит золотой экстаз,  
Дрожит во мгле неверный лук Дианин...  
Ах, мир ночной загадочен и странен,  
И кажется, что твердь с землей слилась.

Звучит вдали Шопеновское скерцо,  
В томительной разлуке тонет сердце,  
Лист падает и близится зима.

Уж нет ни роз, ни ландышей, ни лилий;  
Я здесь грущу, и Вы меня забыли...  
Пишите же, – я жду от Вас письма!

[Иванов: 116].

Образный строй этого произведения, подобно многим стихотворениям Северянина, «инкрустирован» мифологической ассоциацией (метонимия «неверный лук Дианин...»). Как и в северяннской лирике, здесь активно задействованы интермедийные элементы: живописные («ночь надо мной струит золотой экстаз», «дрожит во мгле», «лист падает») и музыкальные («звучит вдали Шопеновское скерцо») мотивы. При этом Иванов имитирует приём, характерный для античной лирики: он не использует непосредственно слово «сад», но создаёт нечто подобное ««садообразному» пейзажу» [Цивьян: 147]. Образ таинственного, ночного осеннего сада в данном поэтическом контексте создаётся опосредованно, с помощью фитосимволических деталей-намёков: упоминается о листопаде («лист падает»), об исчезнувших цветах, любимых как Северяниным, так и Ивановым «розах», «ландышах», «лилиях» [Иванов: 116].

Однако грустное элегическое настроение, навеянное опустевшим осенним садом и приметам приближающейся зимы, запечатлённое в «Сонете-послании», преодолевается в стихотворении «Ранняя весна» (раздел «Любовное зеркало»). Там весеннее обновление земли, несущее прилив жизненных сил, ликования и восторга, передаётся через образ садов, наполненных ароматом цветущей черёмухи:

Зима все чаще делала промахи,  
Незаметно растаяли снега и льды.  
И вот уже радостно одеты сады  
Пахучими цветами черёмухи

[Иванов: 117].

Примечательно, что здесь лексема «сад» уже используется во множественном числе, предсказывая название будущего сборника Иванова «Сады» (1921). Этот приём создаёт впечатление разомкнутого пространства, широкого простора, знаменующего победу весны над сковывающими землю силами зимы.

Во второй строфе панорамное видение сменяется экфрасисом, подчёркивающим крупный план лирического изображения, окрашенного лёгкой иронией: «В зелени грустит мраморный купидон / О том, что у него каменная плоть» [Иванов: 117]. Но тут же авторская интонация насмешки переходит в противоположный смысловой регистр: выражается искреннее любование и восхищение красотой юной девушки, радующейся приходу весны и олицетворяющей вечную тайну женственности: «Девушка к платью спешит приколоть / Полураспустившийся розовый бутон» [Иванов: 117].

В финале стихотворения «Ранняя весна» Иванов, позиционирующий себя ещё как эгофутурист, уже вполне по-акмеистски, как первый человек Адам, культ которого в своих эстетических исканиях манифестирует Н.С. Гумилёв [Грякалова: 119; Филатов], передаёт радость познания земного мира. Поэт темпераментно выплёскивает переполняющий его душу восторг, рождённый созерцанием цветущего сада:

Ах, ранняя весна, как мила мне ты!  
Какая неожиданная радость для глаз:  
Проснувшись утром, увидеть тотчас  
Залитые веселым солнцем цветы

[Иванов: 117].

В «Сонете» Иванов, по-своему опираясь на творческий опыт К.А. Сомова и М.А. Кузмина, театрально выстраивает сцену любовного объяснения персонажей. Сначала поэт романтически сгущёнными красками рисует «декорацию», предельно ярко визуализирует фон происходящих событий. Через описание пространства Иванов словно останавливает прекрасное мгновение: поздний вечер, завораживающий ярким закатом солнца, переходит в гипнотизирующую картину ночи:

В залив, закатной кровью обгаренный,  
Садилось солнце. Матовый кристалл  
Луны оранжевой медлительно всплывал,  
Дробясь и рдея в зыби вод бессонной

[Иванов: 119].

Далее автор, как умелый режиссёр-стилизовщик, тонко и остроумно пародируя галантный XVIII век, разворачивает действие, помогая читателю точными ремарками и воссоздавая реплики героя и героини:

Рукою опершись о пьедестал  
Богини мраморной, с улыбкой благосклонной  
Красавица внимала, как влюбленный  
Слова признанья нежно ей шептал:

«Прелестней Вас в золотых полях едва ли  
Аркадии божественной встречали  
Или в садах счастливых гесперид!

Сладчайшие сулите Вы надежды»...  
Она ж в ответ, склонив с усмешкой вежды:  
«Тот часто лжив, кто складно говорит!»

[Иванов: 119].

Как и в стихотворении «Ранняя весна» («В зелени грустит мраморный купидон») [Иванов: 117], в «Сонете» упоминается и фрагментарно очерчивается пространство городского сада или парка, наполненного статуями античных богов и героев: «Рукою опершись о пьедестал / Богини мраморной...» [Иванов: 119].

Лексическая наполняемость текста «Сонета» пародийно отсылает к высокому «штилю» и мироощущению XVIII столетия. Гиперболизированная сентиментальность пронизывает «слова признанья» героя, обладающего пылким воображением и воспевающего женское очарование своей возлюбленной. Власть её красоты, по мнению лирического персонажа, затмевает чудеса, происходящие даже «в садах счастливых гесперид» [Иванов: 119]. Согласно мифологическим представлениям древних греков, нимфы Геспериды, дочери Ночи, живущие на крайнем западе, охраняют в своём саду (садах) золотые яблоки, дарующие вечную молодость [Тахо-Годи: 298–299].

Иванову удаётся создать в стихотворении иллюзию культурного многомирия. В итоге описанная сцена объяснения влюблённых прочитывается и как пребывание в XVIII веке, и как погружение в пространство античности, сознательное бегство на родину вечной красоты, радости и наслаждения, зашифрованное в названии сборника: «Отплыть на о. Цитеру». И в то же время – это своеобразный эскапизм, то есть артистичная, лукавая игра, иронично преобразующая реальность Петербурга начала XX века [Арьев: 505–506] и позволяющая уйти от скуки и обыденности современности. А упоминание о «золотых полях» «божественной Аркадии», про-

звучавшее в монологе влюблённого, сигнализирует не только о мире идиллии и гармонии, воспетом в «Буколиках» Вергилия и отозвавшимся в картинах А. Ватто. Вполне вероятно, что оно насмешливо намекает и на городской увеселительный сад с названием «Аркадия», весьма популярный в Петербурге в 1881–1914 годы. Стихотворение «Сонет» транслирует интонационную амбивалентность ивановской лирики и обогащает семантический спектр истолкования архетипа сада, предложенный Ивановым в его дебютном поэтическом сборнике.

Примечательно, что стихотворение «Весенние аккорды», вошедшее в раздел «Клавиши природы», диалогически соотносится с «Ранней весной». И в том и в другом произведении фигурирует образ именно весеннего сада. Но в «Ранней весне» сады, «залитые весёлым солнцем» [Иванов: 117], передают оптимистическое миропонимание, философскую идею неизбежного природного круговорота, означающего победу жизни над смертью. В «Весенних аккордах» представлен облик загадочного ночного сада, пронизанного пьянящим воздухом, объятого каким-то колдовским сном: «Склонились на клумбах тюльпаны, / Туманами воздух пропитан. / Мне кажется, будто бы спит он, / Истомой весеннею пьяный» [Иванов: 122]. Подобный поворот в интерпретации образа сада, как точно подмечает А.Ю. Арьев, во многом подкрепляется интертекстуальной ориентацией Иванова на строки стихотворения И.Ф. Анненского «Он и Я» [Арьев: 507], завершающего раздел «Складни» в сборнике «Кипарисовый ларец» (1910) (на него юный Иванов написал критическую рецензию): «Давно меж листьев налились, / Истомой розовой тюльпаны» [Анненский: 114].

Кроме того, стихотворение «Весенние аккорды» композиционно сцепляется и со стихотворением «Сонет». Таким образом, внутри структуры сборника образуются своеобразные поэтические диптихи, рожденные авторефлексией поэта. Смысловая перекличка данных стихотворений обеспечивается преемственным развитием образа таинственного ночного сада, освещённого луной. В поэтическом единстве, созданном Ивановым, часто встречающийся символ луны выполняет функцию художественной скрепы. В контексте сборника «Отплыть на о. Цитеру» образ луны не раз меняет свою семантику. Его интерпретация генетически связана со многими религиозно-мифологическими и литературными традициями. Смысловое ядро образа луны в ивановской трактовке определяется, прежде всего, воздействием поэтики романтизма и символизма. Особенно ощутимо влияние стихотворения П. Верлена «Лунный свет» [Арьев: 504], сквозь призму которого Иванов отчасти воспринимает и художественный мир А. Ватто («Луна взошла совсем как у Вэрлена...») [Иванов: 122].

В сборнике «Отплыть на о. Цитеру» Иванов активно обращается и к солярной мотивике. Но символ луны оказывается для поэта более важным и привлекательным именно потому, что заключает в себе идею «отражения», весьма значимую для его художественной философии творчества [Васильева]. Как поэт неоромантической природы, Иванов, несомненно, солидаризировался бы с образным высказыванием Д.С. Мережковского, присутствующим в его трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893): «В отражении красоты может быть неведомое таинственное обаяние, которого Вы не найдёте даже в самой красоте: так в слабом, отражённом свете луны есть обаяние, которого нет в источнике лунного света, в могущественных лучах солнца» [Мережковский: 25].

Примечательно, что и в «Сонете», и в «Весенних аккордах» визуальное восприятие луны характеризуется Ивановым общим эпитетом «матовый». В «Сонете»: «*Матовый* кристалл / Луны оранжевой...» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 119]. В «Весенних аккордах»: «И *матовый* луч уронила / На тускло мерцающий гравий» [Иванов: 122]. Кроме того, в изображении сада, присутствующем в обоих стихотворениях, сделан акцент на медленно поднимающейся луне. Этот нюанс ночного пейзажа обозначен и в том и в другом произведении весьма схожими метафорами, в состав которых входит глагол «всплывать (всплыть)». В «Сонете»: «Матовый кристалл / Луны оранжевой медлительно *всплывал*...» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 119]. В «Весенних аккордах»: «Луна, альмадинов кровавей, / Над садом медлительно *всплыла*...» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 122].

Живописность описания луны, освещающей пространство сада, усиливается за счёт использования Ивановым цветоцветовых характеристик в первой строфе «Сонета» и во второй строфе «Весенних аккордов». Но можно говорить о динамике колористической символики от стихотворения к стихотворению. Она транслирует нарастание лирической экспрессии и подчёркивает усиление трагических интонаций. В «Сонете» эмоциональную атмосферу сада и характер происходящих в нём событий определяет образ оранжевой луны. В представленном поэтическом контексте оранжевый цвет несёт позитивную коннотацию: здесь луна ещё отражает тёплые лучи заходящего солнца [Иванов: 119]. Отсюда – настроение радости, увлекательной любовной игры и насмешливого кокетства, доминирующее в стихотворении. В «Весенних аккордах» создаётся образ кровавой луны через сопоставление её с альмадином, самоцветом из семейства гранатов, имеющим тёмно-красный цвет:

Луна, альмадинов кровавей,  
Над садом медлительно всплыла

И матовый луч уронила  
На тускло мерцающий гравий

[Иванов: 122].

Трагический смысл образа кровавой луны в стихотворении «Весенние аккорды» создается с помощью апокалиптической оптики и отсылает к символике из Откровения ап. Иоанна Богослова: «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» (Откр. 6:12).

Образ полной луны, окрашенной цветом крови, вызывает у читателя чувство тревоги и опасности, созвучное настроению лирического субъекта, охваченного страхом и отчаянием, ожидающего встречи с Водяным, представителем нечистой силы:

Иду у реки осторожно...  
Боюсь Водяного – утопит  
Томления кубок не допит,  
Но больше мечтать – невозможно...

[Иванов: 122].

По-видимому, упомянутый Ивановым в данном поэтическом контексте образ Водяного не только восходит к традиции восточнославянской мифологии, но и является аллюзией на стихотворение Анненского «Милая», вошедшее в сборник «Кипарисовый лагерь» (1910) и включённое в «Складень романтический». Правда, в произведении Анненского Водяной назван не прямо по имени, а описан через прозвище-перифраз «лысый» [Анненский: 112].

В «Весенних аккордах» Иванова пространство ночного весеннего сада характеризуется как мир колдовства, неведомых чар, в поле притяжения которых попадает лирический субъект. Этот таинственный мир героя одновременно и пугает, и манит, погружая в состояние сладкой, пьянящей истомы: «*Истомой* весеннею пьяный»; «*Томления* кубок не допит» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 122]. Задействованный в ивановском произведении мотив истомы (томления), передающий атмосферу весеннего сада, прежде всего, восходит к строке Анненского из стихотворения «Он и Я»: «Давно меж листьев налились, / *Истомой* розовой тюльпань» (курсив мой. – Н. К.) [Анненский: 114].

Хотя названный мотив часто встречается в лирике и других поэтов Серебряного века. Так, лексемы «истомы» и «томление» нередко употребляет в своих произведениях Ф.К. Сологуб, чьи поэтические строки из стихотворения «Путь мой трудный, путь мой длинный...» Иванов избрал в качестве эпиграфа к своему первому сборнику. Например, в стихотворении Сологуба «Качели» (1894), состояние истомы, исходящее от заката солнца, как и в «Весенних аккордах» Иванова, распространяется на пространство сада: «В *истоме* тихого заката / Грустило жаркое светило. / Под кровлей ветхой гнула хата / И тенью

сад приосенила» (курсив мой. – Н. К.) [Сологуб: 122]. А в сологубовском стихотворении «Жаркое солнце по небу плывет...» (1897) истома оценивается как стихия, захватывающая и подчиняющая себе землю, травы, тело и душу человека: «Ночи земля *утомленная* ждет. / В теле – *истомы*, в душе – пустота, / Воля почил, и дремлет мечта. / Где моя гордость, где сила моя? / К низшим склоняюсь кругам бытия. / Силе таинственной дух мой предаю, / Жизнь, подобной *томлению* трав...» (курсив мой. – Н. К.) [Сологуб: 195]. Показательно, что у Иванова состояние истомы (томления), общее как для сада, так и для психологии лирического субъекта, связывается с приходом весны, в то время как у Сологуба оно неизменно возникает в пору жаркого лета.

В ином семантическом ключе мотив истомы трактуется в стихотворении творчески близкого Иванову в 1910 гг. Кузмина «Целый день» (1906–1907), вошедшем в сборник «Сети» (1908): «Владеет мною грустная *истомы*» (курсив мой. – Н. К.) [Кузмин: 32]. Здесь истома становится метафорой неразделённой любви. Подобную коннотацию мотива истомы можно выявить и в контексте «Весенних аккордов» Иванова.

И всё-таки представляется, что вектор смыслового наполнения мотива весенней истомы, захватившей пространство сада и души лирического героя, в ивановском произведении наиболее близок интерпретационному подходу Гумилёва, воплощённому в стихотворениях «Из логова змиева...» и «Она», вошедших в состав поэтического сборника «Чужое небо» (1912) и вдохновлённых биографической и творческой личностью А.А. Ахматовой. В стихотворении «Из логова змиева...» рассмотренные выше лексемы, как и в «Весенних аккордах» Иванова, ассоциируются с колдовскими чарами, связанными с властью луны: «А выйдет луна – затомится»; «Снеси-ка истому ты / В днепровские омуты» [Гумилёв 1991: 131]. А вот в стихотворении «Она» слова «истомы» и «томление» коррелируют с понятием вдохновения: «Учиться мудрой сладкой боли / В её истоме и бреду»; «Она светла в часы томлений / И держит молнии в руке» [Гумилёв 1991: 130]. В стихотворении Иванова «Весенние аккорды» истома, пронизывающая воздух сада и душу лирического героя, также выступает одновременно и как знак колдовских чар, и как предвестник вдохновения («томления кубок») [Иванов: 122]. Такое пересечение с Гумилёвым в смысловом преломлении мотива истомы (томления) объективно не может быть результатом сознательной ориентации Иванова на художественный опыт своего старшего современника. По-видимому, этот факт свидетельствует о глубинном типологическом родстве творческого мышления поэтов, что интуитивно и почувствовал Гумилёв, в целом положительно отзывавшийся о первом сборнике Иванова

и выдавший ему в своей рецензии достаточно щедрый аванс [Гумилёв 1912: 101].

Ситуация психологической близости и даже полной слитности сада и внутреннего мира лирического героя, описанная в стихотворении «Весенние строфы», несомненно, имеет фольклорно-мифологические истоки и восходит к феномену психологического параллелизма. Она наследуется и развивается и в стихотворении Иванова «Вечерние строфы» (включено в раздел «Когда падают листья»). Как и в стихотворении «Весенние аккорды», в «Вечерних строфах» лирический сюжет разворачивается на фоне лунной ночи. Но теперь душа лирического субъекта как бы раздваивается между миром небесным и миром земным. С одной стороны, герой находится во власти величественного звёздного неба, напоминающего о Творце. И его созерцание прекрасной лунной ночи в данном случае окрашено религиозными переживаниями: «Месяц стал над белым костелом»; «Звезды вечера перед Божьим престолом / Засветили тихие огни» [Иванов: 126]. А с другой стороны, лирическим субъектом так же, как и в «Весенних аккордах», овладевает состояние пьянящей и в то же время мучительной истомы, идущей от оживающей весной земли: «Я иду сквозь нежный сумрак, пьяный / Тонким дыханием земли»; «Мной владеет странная истома, / Жаля душу, как прожитые дни» [Иванов: 126].

Образ сада в стихотворении «Вечерние строфы» – это не просто элемент пейзажа, фрагмент художественного пространства. Он выполняет функции действующего персонажа. В предложенном поэтическом контексте сад одушевлён и наделён даром речи. Он стремится успокоить, умиротворить встревоженного лирического героя. Мотив ласково шепчущего сада звучит и в начале, и в конце стихотворения, образуя композиционную спираль: «Старый сад шепнул мне: “Усни”...»; «Шелест сада грустно-знакомый / Неотступно шепчет: “Усни”...» [Иванов: 126].

Итак, в первом поэтическом сборнике Иванова образ сада является сквозным символом и выступает как одна из его аксиологических доминант. Интерпретация архетипа сада, реализованная в нём, полифонична и подпитана авторским диалогом с античной традицией, преломлённой сквозь призму творчества живописцев А. Ватто, К. Сомова и А. Бенуа. Лирическая герменевтика образа сада, выстроенная Ивановым, также опирается на концентрированную интертекстуальность, отсылая к древнегреческому мифу о «садах Гесперид», к лирике П. Верлена, И. Анненского, М. Кузмина, Игоря Северянина, Ф. Сологуба. В определении семантической структуры символа сада, созданного в дебютном ивановском сборнике, участвуют и образ Водяного, заимствованный из восточнославянской мифологии, и библейский мотив

«кровавой луны». Для смыслового наполнения архетипа сада в «Отплытии на о. Цитеру» весьма важен мотив истомы (томления), часто встречающийся в лирике поэтов Серебряного века. В ивановской интерпретации он отчётливо перекликается с концептуальными решениями Анненского, Сологуба, Кузмина, Гумилёва.

Смысловая эволюция архетипа сада репрезентирует весьма важную для поэта идею пути, ключевую для художественного сознания не только авторов Серебряного века (например, А. Блока [Максимов] и Н. Гумилёва [Пороль; Леонтьева; Дмитриева]), но и для русской литературы в целом. Мотив пути заявлен уже в названии ивановского сборника: «Отплыть на о. Цитеру». Он звучит в эпиграфе («Путь мой трудный, путь мой длинный... И не скучно мне идти») [Иванов: 115], затем – пронизывает весь текст художественного целого и обретает итоговую творческую реализацию в «Эпилоге»: «Мои пути ничем не сужены: / Я проходил огни и льды» [Иванов: 132]. Вживаясь во время и пространство разных и вместе с тем в чём-то схожих «садов», Иванов намечает вектор собственного художественного развития, предсказывает движение к сборнику «Сады» (1921). Помимо этого, он иносказательно и пронизательно моделирует концепцию «странствий» по разным мифологиям и культурам, весьма важную для эстетики акмеизма и в то же время не чуждую творческим исканиям русских символистов.

### Список литературы

- Анненский И.* Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. А. Фёдорова. Ленинград: Худож. лит., 1988. 736 с.
- Арьев А.Ю.* Примечания // Иванов Георгий. Стихотворения. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. С. 485–732.
- Васильева М.А.* Двойник-отражение: эволюция мотива в лирике Георгия Иванова // Сюжетология и сюжетология: науч. журнал. 2014. № 4. С. 100–107.
- Грякалова Н.Ю.* Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 103–123.
- Гумилёв Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 3–4. С. 99–101.
- Гумилёв Н.* Сочинения: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы / вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. Москва: Худож. лит., 1991. 590 с.
- Данилович Т.В.* Поэзия русского зарубежья: творчество Г. Иванова в аспекте интертекстуального анализа // Наука о литературе в XX веке (История, методология, литературный процесс): сб. статей. Москва: ИНИОН РАН, 2001. С. 201–217.

Дмитриева Ю.Ю. Концепт пути в творчестве Н.С. Гумилёва: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018. 197 с.

Иванов Георгий. Стихотворения. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 784 с.

Кузмин М.А. Избранные произведения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Лаврова, Р. Тищенко; ред. Т. Шмакова. Ленинград: Худож. лит., 1990. 573 с.

Крейд В.П. Георгий Иванов. Москва: Молодая гвардия, 2007. 428 с.

Леонтьева Н.А. Реализация мотива пути в лирике Н.С. Гумилёва: попытка классификации // Известия Восточного института. 2018. № 3 (39). С. 65–71.

Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей; сад как текст. Москва: Согласие: Тип. «Новости», 1998. 356 с.

Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Ленинград: Советский писатель, 1981. С. 6–51.

Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Санкт-Петербург: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.

Нагина К.А. Сад и Бог в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 7 (13). С. 139–146.

Невзглядова Е.В. Сады в русской поэзии // Звезда. 2013. № 10. С. 191–204.

Пороль О.А. Библиейский мотив пути в лирике акмеистов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (47). С. 29–32.

Разумовская А.Г. Сады и парки в поэзии Г. Иванова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2007: сб. науч. трудов / сост. и науч. ред. Е.М. Табориская. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2008. С. 211–224.

Разумовская А.Г. Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма): монография. Санкт-Петербург: ООО Студия НП-Принт, 2014. 436 с.

Сологуб Ф.К. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.И. Дикман. Ленинград: Сов. писатель, 1979. 679 с.

Тахо-Годи А.А. Геспериды // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А–К / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1982. С. 298–299.

Топоров В.Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья // Облик слова: сб. ст. Москва: ИРЯ, 1997. С. 290–319.

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Образ сада в русской поэзии второй половины XX века и в русском фольклоре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 144–150.

Филатов А.В. Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н.С. Гумилёва // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 117–125.

Цивьян Т.В. VERG. GEORG. IV, 116–148: К мифологии сада // Текст: семантика и структура. Москва: Наука, 1983. С. 140–152.

Якунова Е.А. Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова: автореф. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004. 24 с.

## References

Annenskij I. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], comp., introductory article, comments by A. Fedorov. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1988, 736 p. (In Russ.)

Ar'ev A.Ju. *Primechanija* [Notes]. Ivanov Georgij. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow; Saint-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, pp. 485-732. (In Russ.)

Civ'jan T.V. VERG. GEORG. IV, 116–148: *K mifologeme sada* [To the mythology of the garden]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 140–152. (In Russ.)

Danilovich T.V. *Pojezija russkogo zarubezh'ja: tvorcestvo G. Ivanova v aspekte intertekstual'nogo analiza* [Poetry of the Russian Diaspora: G. Ivanov's Work in the Aspect of Intertextual Analysis]. *Nauka o literature v XX veke (Istorija, metodologija, literaturnyj process): sb. statej* [Science of Literature in the 20th Century (History, Methodology, Literary Process: collection of articles)]. Moscow, INION RAN Publ., 2001, pp. 201-217. (In Russ.)

Dmitrieva Ju.Ju. *Koncept puti v tvorcestve N.S. Gumiljova*: dis. ... kand. filol. nauk [The concept of the path in the work of N.S. Gumilyov: DSc thesis]. Moscow, 2018, 197 p. (In Russ.)

Filatov A.V. *Soderzhanie ponjatija «adamizm» i sostav adamicheskogo mifa N.S. Gumiljova* [The content of the concept of “Adamism” and the composition of the Adamic myth N.S. Gumilyov]. *Stephanos* [Stephanos], 2017, № 3 (23), pp. 117-125. (In Russ.)

Grjagalova N.Ju. *N.S. Gumilev i problemy jesteticheskogo samoopredelenija akmeizma* [N.S. Gumilyov and problems of aesthetic self-determination of acmeism]. *Nikolaj Gumilev. Issledovanija. Materialy. Bibliografija* [Nikolay Gumilyov. Research. Materials. Bibliography]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 103-123. (In Russ.)

Gumil'jov N. *Pis'ma o russkoj poezii* [Letters about Russian poetry]. *Apollon* [Apollo], 1912, № 3-4, pp. 99–101. (In Russ.)

Gumil'jov N. *Sochinenija: v 3 t. T. 1: Stihotvorenija; Pojemy* [Works: in 3 vols. Vol. 1: Verses; Poems], introductory article, comp., notes by N. Bogomolov. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1991, 590 p. (In Russ.)

Ivanov Georgij. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow; Sankt-Peterburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, 784 p. (In Russ.)

Jakunova E.A. *Svoeobrazie hudozhestvennogo mira rannej liriki Georgija Ivanova*: avtoref. ... kand. filol.

nauk [The originality of the artistic world of the early lyrics of Georgy Ivanov: DSc thesis, summary]. Cherepovets, 2004, 24 p. (In Russ.) Kuzmin M.A. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], comp., prep. text, introductory article, comment by A. Lavrov, R. Timenchik; ed. by T. Shmakova. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1990, 573 p. (In Russ.)

Krejd V.P. *Georgij Ivanov* [Georgy Ivanov]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2007, 428 p. (In Russ.)

Leont'eva N.A. *Realizacija motiva puti v lirike N.S. Gumiljova: popytka klassifikacii* [Realization of the Path Motive in N.S. Gumilev's lyrics: an attempt at classification]. *Izvestija Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Oriental Institute], 2018, № 3 (39), pp. 65-71. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Pojezija sadov: k semantike sadovoparkovyh stilej; sad kak tekst* [Poetry of gardens: to the semantics of landscape gardening styles; garden as text]. Moscow, Soglasie, OAO Tipografija "Novosti" Publ., 1998, 356 p. (In Russ.)

Maksimov D.E. *Ideja puti v poeticheskom mire Al. Bloka* [The idea of a path in the poetic world of Al. Blok]. Maksimov D.E. *Pojezija i proza Al. Bloka* [Poetry and prose by Al. Blok]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1981, pp. 6-51. (In Russ.)

Merezhkovskij D.S. *O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury* [About the reasons for the decline and about new trends in modern Russian literature]. Saint-Petersburg, Tipo-lit. B.M. Vol'fa Publ., 1893, 192 p. (In Russ.)

Nagina K.A. *Sad i Bog v proizvedenijah L. Tolstogo i F. Dostoevskogo* [Garden and God in the works of L. Tolstoy and F. Dostoevsky]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2011, № 7 (13), pp. 139-146. (In Russ.)

Nevzgljadova E.V. *Sady v russkoj poezii* [Gardens in Russian poetry]. *Zvezda* [Star], 2013, № 10, pp. 191-204. (In Russ.)

Porol' O.A. *Biblejskij motiv puti v lirike akmeistov* [Biblical motif of the path in the lyrics of the acmeists]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2012, № 11 (47), pp. 29-32. (In Russ.)

Razumovskaja A.G. *Sady i parki v poezii G. Ivanova* [Gardens and parks in the poetry of G. Ivanov]. *Pe-*

*chat' i slovo Sankt-Peterburga: Peterburgskie chtenija – 2007: sbornik nauchnyh trudov* [Print and Word of St. Petersburg: Petersburg Readings – 2007: collection of scientific papers], comp. and scientific ed. by E.M. Taborisskaja. Saint-Petersburg, SPGUTD Publ., 2008, pp. 211-224. (In Russ.)

Razumovskaja A.G. *Sady rossijskoj poezii (ot simbolizma do postmodernizma): monografija* [Gardens of Russian poetry (from symbolism to postmodernism): monograph]. Saint-Petersburg, OOO Studija NP-Print Publ., 2014, 436 p. (In Russ.)

Sologub F.K. *Stihotvorenija* [Poems], comp., introductory article, preparation of the text and notes by M.I. Dikman. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1979, 679 p. (In Russ.)

Taho-Godi A.A. *Gesperidy* [Hesperides]. *Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.], ed. by S.A. Tokarev. Vol. 1: A-K. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1982, pp. 298-299. (In Russ.)

Toporov V.N. *Vethij dom i dikij sad: obraz utrachenogo schast'ja* [A dilapidated house and a wild garden: an image of lost happiness]. *Oblik slova: sb. st* [Shape of the word: collection of articles]. Moscow, IRJa Publ., 1997, pp. 290-319. (In Russ.)

Tropkina N.E., Rjabceva N.E. *Obraz sada v russkoj poezii vtoroj poloviny XX veka i v russkom fol'klore* [The image of the garden in Russian poetry of the second half of the twentieth century and in Russian folklore]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2010, № 4 (30), pp. 144-150. (In Russ.)

Vasil'eva M.A. *Dvojniki-otrazhenie: jevoljucija motiva v lirike Georgija Ivanova* [Double-reflection: the evolution of the motive in the lyrics of Georgy Ivanov]. *Sjuzhetologija i sjuzhetografija: nauchnyj zhurnal* [Plotology and plotography: a scientific journal], 2014, № 4, pp. 100-107. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.*

*The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.*